

НА СТРОЙКЕ

Редкая удача ничего не изменяла в жизни старателя. По дороге в «жилые места», на зимовьях и в деревнях ждали старателя торгаши и кабатчики.

Прогуляв неделю-другую, старатель возвращался босой и раздетый, без куска хлеба, обратно в кедровые и пихтовые дебри, в балаган из корья, к ночным кострам.

Не случайно укоренилось название «жилые места», означавшее все, что выходило за грань приискового района.

Прииска «жилыми» не были. Лишь на 2—3 года хватало таежных падей и ключей: золото иссякало, нужно было перекочевывать к новому ключу, в новую падь, а поэтому незачем было строить дома и избы для оседлой жизни.

Работали до изнеможения.

Длинна зима, но и глубока земля, из-под которой надо было добыть золото. Надо было горопиться — харчей в обрез. Весной и летом успевай ловить воду. Быстро пересыхают таежные ручьи и промывать ПОРОДУ становится нечем.

В этой спешке выработывались самые быстрые приемы выемки земли, создавалась та старательская сноровка, которая делала старателей лучшими землекопами. В сноровке было немало самого отчаянного риска.

А еще, и это пожалуй самое главное, — старатель не видел результатов своего труда; не видел пашни, на которой выросла пшеница, построенного дома, который стоял бы и после его жизни, машины, сделанной им самим.

На какие-то минуты мелькала в его руках горсточка светложелтого тяжелого песка, называемого золотом, и исчезала. Оставались горы перемытой породы, ямы и канавы, обезображенная земля, которая через несколько лет должна была зарастать снова тайгой.

Андрей Севастьянович Филиппов первые тридцать лет своей жизни был старателем.

Вторая половина его жизни началась после Октябрьской революции. И эта половина жизни настолько богата событиями, наполнена таким глубоким содержанием, что можно и нужно было бы о жизни Филиппова писать большую повесть.

Но даже самый краткий, самый сжатый план такой повести не может не волновать потому, что крутизна жизненного под-

ема, стремительный рост советского человека проявились в нем со всей силой.

1929 год — Кузнецкстрой. Рядовой землекоп.

1932 год — Филиппов вступает в ряды большевистской партии. Он устанавливает мировой рекорд на земляных работах.

1934 год — В числе первых 72 кузнецкстроевцев Филиппов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1934—1942 гг.—Заместитель начальника стройуправления. Начальник стройуправления. Заместитель директора завода.

1942 — 1952 гг.—Старший инструктор стахановских методов труда. Член горкома ВКП(б), член райкома ВКП(б), депутат горсовета, агитатор.

Сколько таких биографий создалось на Кузнецкстрое — одном из редутов, на которых большевистская партия победоносно вела борьбу за жизнь и счастье человека!

В ночь на 3 апреля 1932 года Филиппов, как и сотни других строителей, был на площади, примыкающей к заводу.

Все ждали, когда пойдет первый чугуун.

Не надолго Филиппов уходил в общежитие погреться. Ночь была холодная и звездная.

К полуночи кое-где на площади появились костры. Вместо с Филипповым были его товарищи по бригаде. Некоторые из них работали когда-то старателями.

На выпуск первого чугуна пришли не только металлурги и строители, но также их жены и дети. От костра к костру перебегали шустрые мальчуганы.

Возможно, кто-нибудь из этих малышей работает сейчас па заводе. Тем радостнее будет для него праздник, наступивший через двадцать лет. Так же, как и Филиппов, кто-нибудь из этих бывших мальчуганов вспомнит нынче ту минуту, когда, наконец, из летки домы раскаленной, искрящейся струей вырвался первый чугуун.

— Пошел! Пошел!

Шли минуты и часы, а на площади становилось все болеелюдно и празднично. Чувство радости росло с каждым часом.

Приходили строители, только что окончившие смену, и спрашивали Филиппова:

— Видел, Севастьянович?

И Филиппов рассказывал о том, что видел сам, что слышал от других.

Наступило утро, а перед глазами у него все еще стояла ночь и взлетали звезды над струей чугуна, и все еще слышался ему чей-то ликующий возглас:

— Пошел!..

А у Филиппова складывалась его песня,

«Ждала страна и дождалась!
И тот **великий** час настал.
Из первой домны **Кузнецкстроя**
Полился первый наш металл».

И казалось Филиппову, что если он уйдет с площади, от народа, от товарищей, с которыми провел в работе три последних **кузнецкстроевских** года, если он уйдет от ожившей ночью громадины-домны, то может быть и не придут к нему те слова, в которых мысли его и счастье его выльются до конца.

«И загудит гудок могучий,
Где мы работали в **снегу**,
И пронесется тренька эхе
На всю сибирскую тайгу».

До начала смены остался всего час.

Солнце пригрело землю. Узенькая тропинка извивалась по **бровке** траншей и котлованов, мимо недостроенных домов Соцгорода.

Ходу до дома пять-шесть минут, но Филиппова очень **беспокоило**, что он может забыть свою песню. Нужно было ее записать. И он не утерпел, сел прямо на бугор свежевыврытой **земли** и медленно, слово за словом, записал стихотворение в **свою** бригадирскую книжку.

Книжка эта сохранилась у него до сих пор, но Филиппову не нужно раскрывать ее, чтобы вспомнить слова, написанные **много** лет назад. Они врезались в памяти, запомнились на всю **жизнь** так же, как и **апрельская** ночь, в которую из летки домны **квынул** первый кузнецкий чугун.

Колхозники говорили, что Алимбаев «понимает **землю**». **Наблюдательный** и вдумчивый хлопковод и садовод, Алимбаев действительно хорошо знал, что нужно делать с землей, чтобы она была плодородной.

Он приходил в поля весной, когда земля еще была покрыта **гровками** нерастаявшего снега, и уходил с полей по густому **вешнему** инею.

Он знал землю вешнюю, темную от влаги, и землю летних **дней**, горячую, выцветшую от зноя.

Лопата и таяпка легко входили в рыхлый грунт.

Здесь, в Сибири, в январе, земля смерзлась и стала твердой, как камень. Ее приходилось откалывать железным клином и кувалдой.

Третий день бригада Алимбаева выполняла только четверть дневной нормы.

— Плохо дело! — говорил Алимбаев, — плохо дело! Не умеем работать!

А через несколько дней рядом с глубокой и узкой траншеей, на кирпичной стене большого цеха, который должны были расширить строители, появился плакат, приветствующий бригаду **Алимбаева**, вдвое перевыполнившую дневное задание. Это произошло потому, что на помощь бригаде пришел Андрей Севастьянович, инструктор стахановских методов труда, человек, понимающий сибирскую землю.

— Пол и забор должен быть ровный; тогда лопата не будет прыгать в руках, — учил Филиппов.

— Теперь подрежь стенку забоя **снизу!**

Алимбаев вгонял клин или лом в землю, если земля была талой, и от верха забоя отрывались большие куски твердого грунта.

— Можно обрушить и полтонны и **тонну**, но так делать нельзя! Опасно! Не торопись! Знай меру, — предостерег Филиппов.

— Хорошая земля, — усмехаясь заметил Алимбаев, — слушается!

Он теперь научился понимать и мерзлую землю.

В 1942 году Филиппов, работавший заместителем директора завода стройдеталей, обратился с просьбой к партийной организации перевести его на работу на строительство.

— Нужно учить новых рабочих.

С ним согласились. Коммунист Филиппов умел поднять людей на борьбу с трудностями, на победу; он, которого партия научила верить в свои силы, умел воспитывать эту веру в других.

А трудности были в эти дни — исключительные.

Под Сталинградом шли бои.

Напряжение в тылу достигло наибольшей силы.

Но и тогда в Сталинске строились новые школы, поликлиники, закладывалось здание техникума, поднимались из лесов новые многоэтажные жилые дома.

Ушли на фронт кадровые строители — энтузиасты **Кузнецк**-строя; их сменили люди, растившие ранее хлопок и яблоневые сады. Но темпы строительства не снижались, они превосходили темпы славных дней Кузнецкстроя.

С утра Филиппов уходит на одну из строительных площадок. Но теперь его занимают не только земляные работы. Старшего инструктора стахановских методов интересует на площадке организация труда в целом — и работа башенных кранов, и экскаваторов, и парка автомашин. Равномерно поднимает башенный кран контейнеры с кирпичом, — у каменщиков нет перебоев в работе.

Вон там девчата окружили машину с раствором — значит есть неполадки на растворяющем узле.

Уже четверть часа, как притих экскаватор.

В чем дело? Необходимо проверить.

А проверить — это значит подсказать, как сделать лучше, помочь.

... В обеденный перерыв в конторе участка Филиппов прислушивается к разговору между бригадиром плотников (в прошлом кузнецкстроевцев) и молодым рабочим, уходящим из бригады.

Молодой окончил курсы машинистов башенных кранов и пришел попрощаться с бригадой.

Старик начал с поздравлений и пожеланий, а под конец обмолвился:

— Что вам не учиться! Пришли на готовенькое!

Молодой явно обиделся и не знает, что отвечать!

— Тот, кто приходит на готовенькое, сидит сложа руки, — вмешивается Филиппов. — Парень работал, учился...

— Позавидовал я ему, — честно сознается бригадир.

— Позавидовать, конечно, можно.

— Весь город будет видеть, как на ладони, — поясняет старик.

Филиппов понимает вполне, что хочет сказать и о чем думает бригадир. В самом деле — завидная работа. Каждую минуту можно видеть весь город, как на ладони.

И снова, в который уже раз, думает прежний старатель о том, что дала ему партия.

И каким крошечным кажется ему сейчас то счастье, о котором он думал когда-то, — горстка тусклых крупичек золота, нужных для того, чтобы не умереть с голода и не замерзнуть в лютые морозы.

Партия дала ему полное счастье — непосредственно участвовать в строительстве коммунизма, ощущать дыхание его в каждом новом светлом доме, что встают на широких улицах Сталинска.

